

А. С. Смирнов

ПИСЬМО КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОВА ИЗ КИЕВА
(первые посещения Трои российскими подданными)

В статье, на основании текста письма 1803 г. князя Алексея Долгорукова, одного из первых россиян, посетивших Троаду, анализируется представления современников об истории и материальных свидетельствах существования древней Трои.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, Троя, князь Алексей Иванович Долгоруков, князь Андрей Иванович Вяземский, Марий Габриель Шуазель-Гуфье.

Присоединение в конце XVIII в. к Российской империи земель Северного Причерноморья, столь насыщенных античными древностями, не могло не вызвать интереса в кругах просвещенного общества. Аристократы стали обращать свой взор не только на описания античных богов и героев, но на вполне материальные свидетельства древней греческой истории. И не только в степях Тавриды, но на земле Эллады и легендарного Илиона. Именно древняя Троя была одним из главных объектов интереса, но немногие в те годы смогли лицезреть места, где сражались Ахиллес, Патрокл, Гектор.

Первым из таких счастливых был князь Алексей Долгорукий, изложивший свои впечатления в письме к князю Андрею Ивановичу Вяземскому, отправленном из Киева 10 июня 1803 г. Текст письма хранится в фонде Вяземских Российского государственного архива литературы и искусства [РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 508, л. 1—2 об.].

Личность автора письма можно установить хотя и предположительно, но с весьма большой долей вероятности. В письме указаны только имя и фамилия автора. На рубеже XVIII и XIX вв. здравствовало три Алексея Долгоруковых. Алексей Алексеевич (1767—1834),

министр юстиции (1827), член Государственного Совета (с 1829); Алексей Николаевич (1750—1816) — генерал-лейтенант, член Военной коллегии; Алексей Иванович (1777—1840), позднее известный как масон.

Можно утверждать, что автором письма был Алексей Иванович Долгоруков. Он единственный из трех, кто на рубеже XVIII—XIX в. посещал Турцию. В конце XVIII в. А.И. Долгоруков служил при русском посланнике В.С. Томара в Константинополе.

Князь еще в двухлетнем возрасте (1879), был записан в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом, позднее произведен в сержанты и переведен в Семеновский полк (1791). Но в 1796 г. решил оставить воинскую службу и «по именному приказу Его императорского величества выпущен к статским делам в губернские секретари». А на следующий год, (1797) получив по высочайшему повелению чин титулярного советника, принят в Государственную коллегию иностранных дел и «причислен к Царьградской миссии» [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 1209, л. 1].

Покинув воинскую службу А.И. Долгоруков в 1796 г. поступил «вольноприходящим для рисования» в Академию художеств. По всей видимости, князь обладал художественным даром. Всеволод Долгоруков, биограф рода Долгоруковых, утверждал, что Алексей окончил Академию художеств с золотой медалью [Долгорукие, 1869, с. 163—164]. Но по изданным материалам Академии князь в 1796 и 1797 гг. получил вторые серебряные медали [Сборник материалов, 1864, с. 355, 366]. Но в архиве академии есть только запись за 1796 г.:

«посторонний приходящий для рисования. Князь Алексей Иванович Долгорукий за рисунок с натуры. Второй серебряной медали» [РГИА, ф. 789, оп. 19, д. 697, л. 45].

Свое дарование художника Алексей Долгоруков реализовал в многочисленных видах Константинополя, поступивших в императорский Эрмитаж.

Обратимся к тексту письма. Его содержание говорит о том, что князь А. Долгоруков представлял себе полемику о Троянской войне, ведущуюся в научных кругах того времени. Письмо он начинает фразой: «споры о Троянской войне, или, скорее, о самом факте этой войны, продолжаются до наших дней». Действительно, к 1803 г. дебаты о легендарности или историчности Троянской войны продолжались, хотя общее мнение склонялось в пользу последней версии.

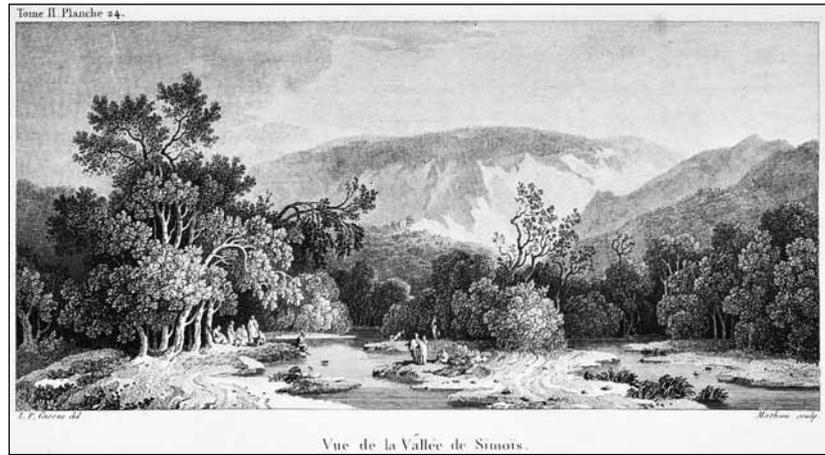

Рис. 1. Вид долины Симоиса на рубеже XVIII—XIX вв.

Троянские притчи были известны русским книжникам начиная с XIV в. [Егунов, 1962, с. 197]. На рубеже XV—XVI вв. появились первые списки труда сицилийца Гвидо де Колумна «История, в ней же пишется о разорении града Трои». Во времена Петра I был отпечатан перевод с латинского этой популярной повести [Гвидо де Колумна, 1709], выдержавшей с 1709 по 1717 г. три издания. М.В. Ломоносов в 1748 г. перевел из Илиады речь Одиссея.

В 70-х годах XVIII в. по заказу Г.И. Потемкина опубликован перевод Илиады, выполненный коллежским секретарем из Новороссии П.Е. Екимовым [Омировых творений, 1776, 1778]. Спустя десять лет из-под пера выпускника Московского университета Е.И. Кострова вышел новый перевод Илиады [Гомерова Илиада, 1787].

Печатались труды по истории Греции. В 1773 г. опубликован перевод А.Н. Радищева книги Габриэля Бонно де Мабли «Размышления о греческой истории» [Мабли, 1773]. Людям, интересующимся древней историей Эллады, было откуда черпать сведения об Илионе.

Возможно, одним из источников информации для А. Долгорукова был друг и родственник А.И. Вяземского Н.М. Карамзин. Историк в начале 1790 г., будучи во Франции, посетил заседание Парижской академии

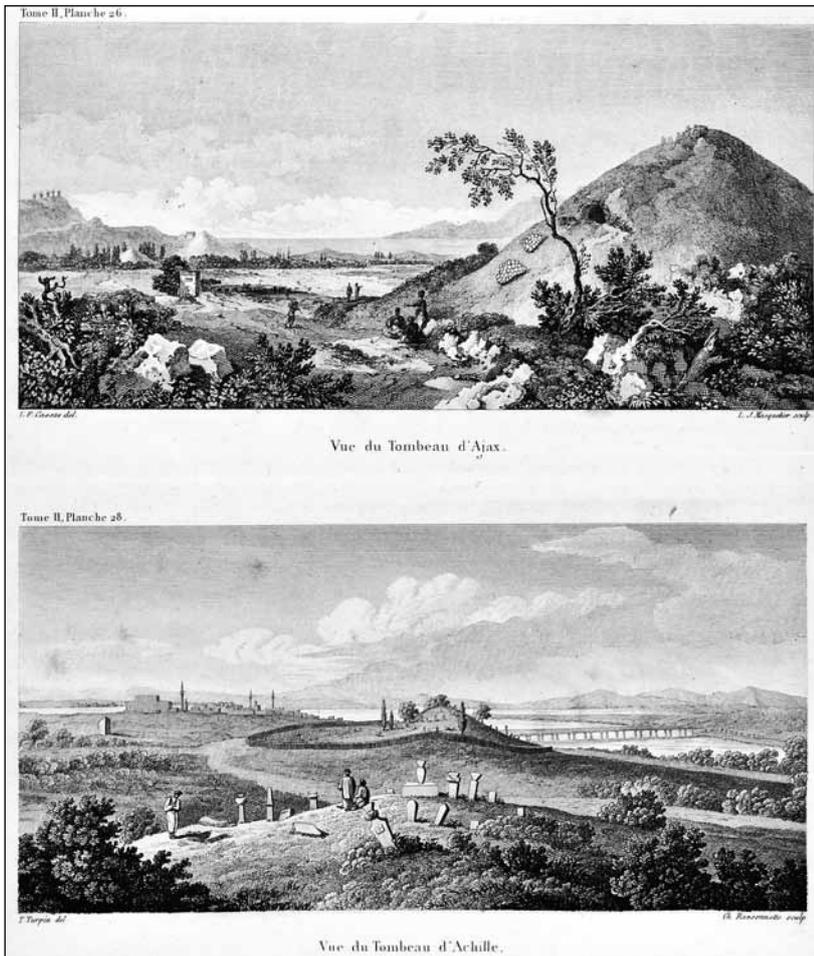

Рис. 2. Вид «могил Аякса и Ахилла» на рубеже XVIII—XIX вв.

надписей, чтобы высказать свое восхищение аббату Ж.Ж. Бартелеми, автору известного в Европе «Путешествия младшего Анахарсиса по Греции в половине IV в. до Рождества Христова».

Но Н.М. Карамзина более привлекало литературное творчество Ж.Ж. Бартелеми, а не его труды об антиках. «Древняя Греция, столь для нас любопытная, которой удивляемся в ее развалинах и в малочисленных до нас не дошедших памятниках ее славы, — никогда еще не была описана столь совершенно». Слушать же ученое выступление антиквара историка было не интересно. «Диссертация аббата Бартелеми, в которой дело шло о медалях Ионафановых, Антигоновых, Симеоновых, не могла занимать меня» [Карамзин, 1983, с. 96, 320].

Судя по тексту письма, А. Долгоруков так же вдохновлялся не столько научными штудиям, сколько красотой поэтических строк Гомера. «В самом деле, кто же он, читающий описание гнева Скамандра у Гомера, этой ревущей как бык реки, которая, низвергая свои бурные потоки, свои могучие воды, выбрасывает мертвых и охватывает живых своими разъяренными волнами; кто же, спрашиваю я, тот, кому не интересно, каков же он, -божественный Пелеев сын, который должен был сию минуту быть поглощен, но спасся; сердце радуется, и хочется увидеть, наконец, этого грозного врага, самого доблестного врага греков, и восхититься им... это было столь естественно, что я последовал сему порыву».

Однако князя ждало глубокое разочарование. Никаких бурных вод он не увидел. «Грозный Скамандр, к которому я боялся приблизиться, теперь лишь мелкий ручей, томящийся среди песков равнины. Безмятежен его иссохший брат Симоис, восхищавший взгляды богов серебристыми волнами; он теперь лишь тина, заросшая тростником, и не противится даже взорам смертных».

Не оправдались и надежды князя лицезреть древние камни Трои. «Я должен был увидеть руины и обломки стен знаменитого Илиона. Напрасно искал я их глазами — не нашел я ни каменных кладок, ни тесаного камня. С этого момента все оцепенело в глубине моей души, иллюзия развеялась, и я больше не пытался установить связь с топографией Гомера».

Тем не менее, князь попытался соотнести увиденный им пейзаж с «топографией Гомера». Он отыскивает место битвы между ахейцами и троянцами «на равнине, окруженной Симоисом и Скамандром, которая была полем битвы двух партий, местом свершения стольких героических деяний и свидетелем стольких кровопролитий». Но и здесь он не увидел следов сражений, достойных поклонения. «Видны холмики, рассыпанные тут и

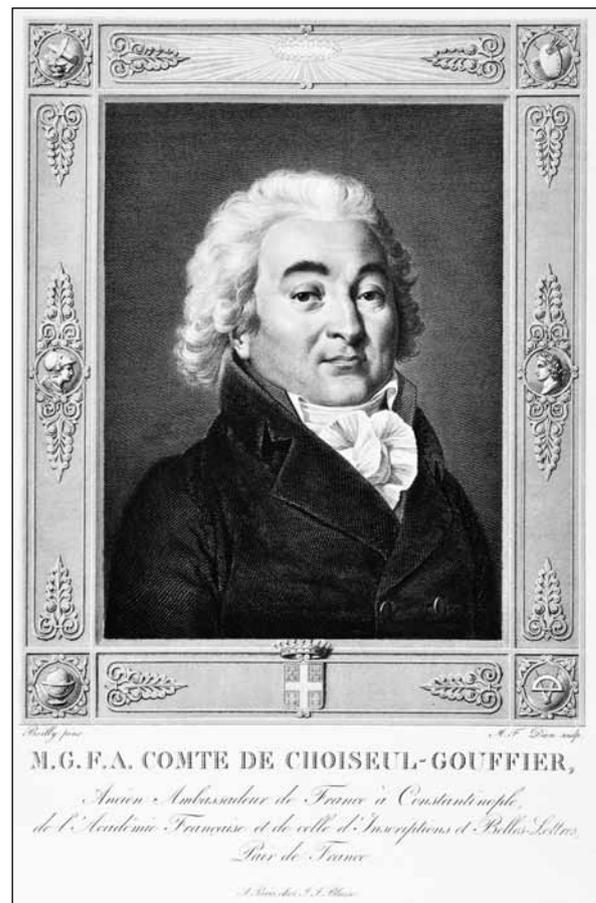

Рис. 3. Мари-Габриэль-Флоран-Огюст де Шуазель-Гуфье

там, порою слишком беспорядочные для того даже, чтобы воображение могло принять их за курганы».

Но это не остановило князя, продолжившего поиски свидетельств Троянской войны. Он осмотрел «оба высоких мыса, расположенных в стороне от пролива Дарданеллы, мыс Ретей и мыс Сигей, должны были, видимо, служить гробницами. Первая, гробница Аякса, которую мы находим сегодня открытой или намеренно разрытой, была раскопана Помпеем; раскопки второй, принадлежавшей другому предводителю греков, быстрому Ахиллу, несколько лет назад провел граф де Шуазель-Гуфье».

А. Долгорукий не случайно упоминает имя графа Шуазеля-Гуфье. Французский аристократ Мари-Габриэль-Флоран-Огюст де Шуазель-Гуфье с молодости проявлял интерес к античному наследию. Окончив колледж Даркура, он продолжил образование под руководством друга своего отца, аббата Бартелеми, автора уже упоминавшегося «Путешествия молодого Анахарсиса». Ж.Ж. Бартелеми укрепил интерес молодого графа к истории Греции. В 24 года (1776), уволившись с воинской службы, Шуазель-Гуфье отправился в первое путешествие в Грецию, где на собственные средства провел раскопки. По возвращении издал первый том

своего сочинения «Живописное путешествие по Греции» [Choiseul-Gouffier, 1782], был избран в Академию надписей и изящной словесности, а в 1884 г. во Французскую академию.

Эта поездка имела не только научное, но и политическое значение. Граф должен был ознакомиться с османско-российскими отношениями. Политическая часть была выполнена успешно и в 1784 г. Людовик XVI назначает его послом в Константинополь, что позволило графу продолжить археологические изыскания. Революцию 1789 г. во Франции аристократ принял враждебно и в 1893 г. эмигрировал в Россию, где прожил 9 лет под именем Антона Густавовича. Екатерина II наградила его хорошей пенсией, а Павел I назначил директором Императорской библиотеки и президентом Академии художеств.

Взошедший на престол Александр I добился, чтобы Шуазель-Гуфье был исключен во Франции из списка эмигрантов, что позволило графу в 1802 г. вернуться на родину и восстановиться в правах. В последние годы жизни он занимался подготовкой последних томов своего «Живописного путешествия по Греции».

При скепсисе современников к личности графа, необходимо признать, что именно Шуазель-Гуфье задолго до Г. Шлимана, высказал предположение, что руины Трои надо искать близ холма Гиссарлык. Именно это место граф обозначил на своей карте как «Местонахождение руин» [Криш, 1996, с. 20]. Хотя работы графа содержали немало археологических сведений, для российских

антиковедов имя Шуазеля-Гуфье осталось практически забытым.

Как видно из текста письма А. Долгорукова, он был знаком с трудами Шуазель-Гуфье, за год до того уехавшего из России. Князь мог читать первый том «Живописного путешествия по Греции». Но непосредственно Трое посвящены материалы второго тома, первая часть которого вышла в Париже только в 1809 г. Так что А. Долгоруков, скорее всего, почерпнул свои сведения лично от Шуазель-Гуфье, покинувшего Петербург в 1802 г.

Алексей Долгоруков являлся «вольноприходящим» слушателем Академии художеств именно в годы, когда ее президентом являлся Шуазель-Гуфье. Именно из рук французского эмигранта молодой князь получил 19 декабря 1797 г. «вторую серебряную медаль» [Сборник материалов, 1864, с. 366]. Этих двух людей могло сближать сходство жизненных взглядов. Оба покинули воинскую службу ради дипломатии, любви к живописи и античности.

Русский князь удосужился разыскать «еврея Саломона», который в корыстных целях вел «собственные тайные раскопки», продавая найденное Шуазель-Гуфье. То, что князь обладал столь подробными сведениями, которые он не мог почерпнуть в трудах Шуазель-Гуфье, подтверждает предположение, что князь обсуждал в Петербурге с французским эмигрантом детали его работ в Троаде.

То, что А. Долгоруков был лично знаком с Шуазелем-Гуфье, подтверждает и его ссылка на «хитроумное мнение аббата Шевалье». Князь имеет в виду путешественника и археолога, которого чаще упоминают в литературе как Лешевалье (Lechevalier). Жан-Батист Лешевалье был известен как знаток греческого языка, что послужило причиной приглашения его Шуазелем-Гуфье то ли в качестве секретаря, то ли научного консультанта. Знаток Гомера, Лешевалье тщательно изучил район, где располагалась древняя Троя. Результаты исследований он изложил в трехтомном издании «Путешествие в Троаду» [Lechevalier, 1802], вышедшем в Париже в 1802 г., одновременно с первым томом «Живописного путешествия по Греции» Шуазель-Гуфье. Вполне возможно, что тонкости «хитроумного мнения аббата» князь почерпнул из разговоров с французским эмигрантом. В отличие от имени своего патрона Шуазель-Гуфье, имя Лешевалье в отечественной литературе упоминается неоднократно [Бузескул, 1891, с. 6; 2005, с. 55].

Еще одним источником информации для А. Долгорукова мог стать секретарь Шуазель-Гуфье Франсуа Кауффер. Именно его Шуазель-Гуфье послал для раскопок «могилы Ахилла», не снизойдя до раскопок самостоятельно.

Рис. 4. Титульный лист второго тома «Живописного путешествия по Греции» Шуазель-Гуфье, посвященного Трое

Ф. Кауффер был прекрасным топографом, автором карт, опубликованных в «Живописном путешествии» [D'Eichthal, 1874, р. 15]. В последствие топографическими материалами Ф. Кауфера пользовались многие русские офицеры при составлении описаний побережья Черного моря [Бережок, 2010, с. 150—151]. Как и патрон, Ф. Кауффер не принял французскую революцию 1789 г., за что и пострадал, отсидев несколько недель во французской тюрьме в 1792 г.

В последние годы XVIII в. Ф. Кауффер, в качестве венного инженера и топографа, находился в Турции. Но, разделяя симпатии Шуазеля-Гуфье к России, активно сотрудничал с императорским посольством в Константинополе и непосредственно с российским послом В.С. Томара, который докладывал в Петербург о важных услугах французского инженера самому императору Павлу I [Frumin, 2011, с. 15—23]. Не исключено, что Ф. Кауффер мог встречаться с сотрудником посольства А. Долгоруковым, благо оба разделяли любовь к истории древней Греции и могли делиться результатами своих путешествий.

Князь А. Долгоруков, заканчивая свои рассуждения о древней Трое, утверждает, что «этих двух гробниц (АС — Аякса и Ахилла) достаточно, чтобы укрепить наш дух относительно количества свидетельств, связанных с Троянской войной». Трудно сказать, что больше убедило князя в этом утверждении. Аргументы Шуазеля-Гуфье, «хитроумное мнение» Лешевалье или собственные впечатления, но он сделал правильный выбор в пользу реальности событий Троянской войны.

Путешествие князя Алексея Долгорукова в Троаду на рубеже XVIII—XIX вв. совпадает со временем качественного изменения русской дворянской культуры. В более ранние годы россияне, как правило, отправлялись за рубеж с образовательными или служебными целями. Но по мере знакомства с достижениями европейской культуры они стали руководствоваться собственными представлениями и интересами. Российское шляхетство в начале XIX в. уже переросло позиции ученичества и занялось самостоятельным культурным творчеством на ниве европейских традиций [Козлов, 2003; Стефко, 2010].

Российская аристократия для своих зарубежных путешествий обычно выбирала европейские

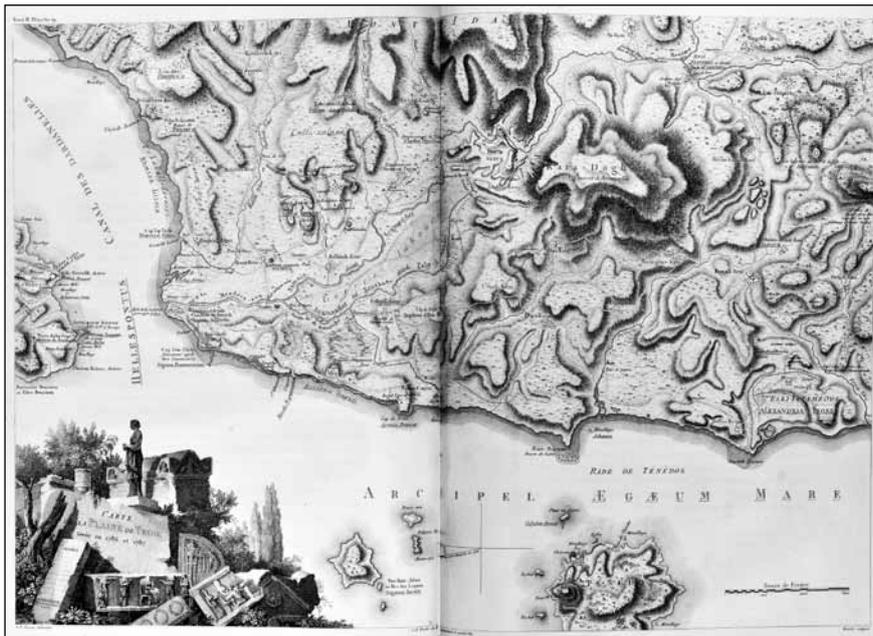

Рис. 5. Карта Троады из второго тома «Живописного путешествия по Греции» Шуазеля-Гуфье

страны. Любители античности предпочитали Италию, реже Грецию. Граф Алексей Долгорукий, хотя и оказался в Османской империи по служебной надобности, направился не на афинский Акрополь, а в захолустные местечки Передней Азии, где кроме опаленных солнцем полей лицезреть было нечего. Не красоты и прописные восторги предшественников, а стремление посетить овеянные легендами места подвинули князя направиться в дальние провинции Сиятельной Порты.

Спустя почти полвека, в 1849 г., путешествовавший в этих местах поэт Петр Вяземский, сын Андрея Ивановича, отмечал безжизненность природы и сложности пребывания на берегах Скамандра: «герои Илиады — и комары и блохи», с ужасом восклицал поэт. [Вяземский, 1879, с. 400—409].

Алексей Долгоруков не просто стремился познать чужую для него культуру, а реализовал вполне конкретный интерес к определенным памятникам древности. Хотя нельзя не видеть в его стремлении ознакомиться с краем «вызывающем интерес как в связи с блестящими деяниями времен губительной войны, так и в связи с чарующим его описанием божественного воспевателя всеми почитаемой Илиады, в отношении которой даже время не осмелилось следовать своим непреложным законам: оно содрогалось, но не нарушало ее божественную гармонию», явных отзвуков уходящей эпохи романтизма.

Впечатления князя, которыми он делится с одним из просвещеннейших личностей России, Андреем Ивановичем Вяземским, отразили интересы и представления российского аристократического общества о мире древней Греции, ее

культурных и материальных памятниках. Для удовлетворения своих интересов, во многом далеких от науки, А. Долгорукий ознакомился с трудами французских путешественников и ученых, не преминул лично побеседовать с некоторыми из них. А оказавшись на месте Великого Илиона, детально осмотреть местность, сверить литературные свидетельства с реальностью и даже найти участников раскопок.

Это еще не наука, но уже и не пустое любопытство. Подобные князю Алексею Долгорукому дилетанты способствовали проникновению в глубины российского общества интереса к древностям, готовя почву для создания научных исторических обществ.

Бартелими Ж.Ж. Путешествия младшего Анахарсиса по Греции в половине IV в. до Рождества Христова: В 9 т. / Ж.Ж. Бартелими. — М., 1803—1819.

Бережок В.П. Военно-топографические описания побережья Черного моря в собрании графа Александра Григорьевича Строганова / В.П. Бережок // Вестник Одесского национального университета. — 2010. — Т. 10. — Вып. 21.

Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX века / В. П. Бузескул. — СПб., 2005.

Бузескул В.П. О Раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе / В. П. Бузескул. — М., 1891.

Вяземский П.А. Князь Андрей Иванович Вяземский / П.А. Вяземский // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. — СПб., 1879. — Т. 2.

Гвидо де Колумн. История, в ней же пишется о разорении града Трои / Гвидо де Колумн. — М., 1709.

Гомерова Илиада. — СПб., 1787.

Долгорукие, Долгоруковы и Долгоруковы-Аргутинские / Под ред. и ответственностью князя Всеволода Долгорукова. — СПб., 1869.

Егунов А.Н. Ломоносов — переводчик Гомера / А.Н. Егунов // Литературное творчество Ломоносова. — М.—Л., 1962.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. — М., 1983.

Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. В 3 т. / С. А. Козлов. — СПб., 2003. — Т. 1.

Криш Г.Э. Сокровища Трои и их история / Г.Э. Криш. — М., 1996.

Омировых творений часть 1, содержащая в себе двенадцать песен Илиады. Перевел с греческого коллежский секретарь Петр Екимов. — СПб., 1776.

Омировой Илиады часть 2, содержащая в себе последние двенадцать песен. [Пер. П.Е. Екимова]. СПб., 1778.

Мабли Г.Б. Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья греков / Мабли Габриэль Боно де. — СПб., 1773.

Сборник материалов для истории императорской С.Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П.Н. Петрова. — СПб., 1864. — Часть I. — 1758—1811.

Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук / М.С. Стефко. — М., 2010.

Choiseul-Gouffier M. Voyage pittoresque de la Grece / M. Choiseul-Gouffier. — Paris, 1782.

D'Eichthal G. Le site de Troie selon M. Lechevalier ou selon M. Schliemann / G. D'Eichthal. — Paris, 1874.

Frumin Mita. François Kauffer: at home among strangers, a stranger at home. The late of cartographer in foreign service in the age of empires / Mita Frumin // Восточный архив. — 2011. — № 2 (24).

Lechevalier J.B. Voyage de la Troade, fait dans les années 1785—1786 / J.B. Lechevalier. — Paris, 1802.

О. С. Смирнов

ЛИСТ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОВА З КИЕВА
(Перші відвідування Трои
російськими підданими)

Стаття присвячена аналізу листа князя Олексія Івановича Долгорукова до князя Андрія Івановича Вяземського. Лист був відправлений з Києва 10 червня 1803 р. Він містив опис подорожі князя О. Долгорукова на місце існування легендарної Трои, його враження і думку про достовірність Троянської війни, співставлення виявлених ним свідчень давнини з «топографією Гомера». У листі князь торкається результатів відвідувань цих місць антикваріями, в першу чергу французами — Огюстом Шуазель-Гуфье, Франсуа Кауффером і деякими іншими. За підсумками своєї подорожі О. Долгоруков робить справедливий висновок про достовірність подій Троянської війни і реальне існування на цьому місці легендарного Ілліону. Подорож князя збігається з часом якісних змін російської дворянської культури на межі XVIII—XIX ст., коли на зміну закордонним поїздкам з освітніми або службовими цілями російські мандрівники стали керуватися власними уявленнями й інтересами.

A. Smirnov

LETTER TO PRINCE
DOLGORUKY OF KIEV
(the first visit to ancient city of Troy
by Russian subjects)

The article analyzes the letter written by Prince Alexey Ivanovich Dolgorukov to Prince Andrei Ivanovich Vyazemsky. The letter was posted from Kiev in June 10, 1803. It contained a description of Alexey Dolgorukov's journey to the legendary Troy location, his impressions and opinions on Trojan War reality, and comparison of the ancient artifacts found by Dolgorukov to «Homer's topography». The letter touches upon the results of antiquaries' visits, French ones, such as Auguste de Choiseul-Gouffier, François Kauffer and others. After his journey, A. Dolgorukov has come to conclusion that the Trojan War really took place and that the legendary Iliion really existed at that location. The Prince's journey coincided with the changes in the Russian nobility's culture between the 18th and the 19th century, when Russian travelers minded own interests in their foreign travels, rather than simply do an educational or official trip.